

**Безруков М. П., Кулешов С. В.,
Медушевский А. Н., Свириденко Ю. П.**

Новейшая история России в политико-социологическом измерении

МОСКВА
ПРОБЕЛ-2000

Сергей Кулешов

**Новейшая история
России в политико-
социологическом измерении**

«Пробел-2000»

2006

Кулешов С. В.

Новейшая история России в политико-социологическом измерении
/ С. В. Кулешов — «Пробел-2000», 2006

То, что история – это наука о прошлом человечества, очевидно, не будет оспаривать никто. По мере развития общества и его институтов возникало стремление осмыслить исторический процесс, исследовать общественный организм в его социокультурной многомерности. Происходила дифференциация знания о ведущих тенденциях социального бытия, совершенствовался инструментарий творческого анализа, в гуманитарных науках появлялись новые направления, отпочковывались исследовательские школы и учебные дисциплины... Предлагаемая книга содержит авторский взгляд на историю России новейшего времени в параметрах политической социологии. Авторы будут признательны всем, интересующимся социально-политическим развитием своей страны, кто сочтет возможным ознакомиться с их трудом.

© Кулешов С. В., 2006

© Пробел-2000, 2006

Содержание

Введение	6
Глава I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Безруков М. П., Кулешов С. В.,
Медушевский А. Н., Свириденко Ю. П
Новейшая история России в политико-
социологическом измерении**

Рецензенты:

Михайлов В.А.

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных, федеративных и международных отношений Российской Академии Государственной Службы при Президенте РФ

Тощенко Ж. Т.

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования»

Введение

То, что история – это наука о прошлом человечества, очевидно, не будет оспаривать никто. По мере развития общества и его институтов возникало стремление осмыслить исторический процесс, исследовать общественный организм в его социокультурной многомерности. Происходила дифференциация знания о ведущих тенденциях социального бытия, совершенствовался инструментарий творческого анализа, в гуманитарных науках появлялись новые направления, отпочковывались исследовательские школы и учебные дисциплины.

Одной из таких дисциплин (субдисциплин) является политическая социология. Она призвана более предметно изучить те явления, которые в политической истории рассматриваются в широком социально-хронологическом контексте. Опираясь, как и историческая наука, конкретными фактами, политическая социология сосредотачивает в то же время преимущественное внимание на таких проблемах, как-то – соотношение общества и государства, правовые системы и политические институты, общественность и власть, психология социальных групп, их менталитет.

Эти темы издавна были предметом пристального внимания философов и историков. Особенно активно они разрабатывались в периоды динамичного развития общества, когда объективно возникал повышенный спрос на политические знания. Отнюдь не всегда и не везде люди, игравшие в политической практике ключевую роль, способны были адекватно оценить значимость и полезность знаний о закономерностях политических процессов. Нередко они предпочитали действовать посредством импровизаций, полагая, что политика требует скорее развитой интуиции, нежели профессионализма и научной фундированности. Однако победителями в политических схватках как правило оказывались те, кто смог всесторонне осмыслить политические реалии, глубоко освоить имеющийся политический опыт. Без этого политик, какими бы благородными мотивами он не руководствовался, какими бы высокими моральными качествами не отличался, постоянно будет рисковать погубить себя, равно как и движение, которое он возглавляет. Разумеется, профессионализм и хорошее знание политической жизни отнюдь не единственное слагаемое доминирования той или иной политической линии. Но при прочих равных условиях это слагаемое становится решающим.

С древнейших времен мыслители стремились аккумулировать и систематизировать опыт политического развития, выразить его в теоретических схемах и практических рекомендациях. Платон и Аристотель, Макиавелли и Гоббс, Руссо и Монтескье – все они прекрасно понимали, что без знаний о технологии государственного управления и политической борьбы оказываются нереалистичными проекты общественного переустройства, остаются нереализованными любые общественные идеалы. Поэтому всегда выдающиеся политические мыслители стремились перевести полученные ими теоретические результаты в плоскость практической политики, хотя не всегда эти намерения встречали отклик людей, стоящих у кормила государственной власти. Только в Новое и Новейшее время политическая наука начинает восприниматься и в сознании политической элиты, и в массовом общественном сознании как чрезвычайно важная вещь, имеющая несомненную практическую ценность. Это объясняется победой капитализма, политической эмансипацией третьего сословия, выходом на политическую арену рабочего класса, новых социальных групп, образованием крупных политических партий, переходом к практике всеобщего избирательного права. Лежащая в фундаменте индустриального общества экономическая конкуренция порождает острое политическое соперничество различных групп интересов по поводу распределения между ними государственной власти, ее устройства и отдельных ее мероприятий. Именно открытость политического процесса для легального и широкого участия самых разных социальных движений и инициатив определила массовый общественный спрос на политические исследования, которые с этого

времени получают прочные институционные формы и солидную экономическую поддержку. В XX столетии политическая социология была на Западе одной из наиболее бурно развивающихся дисциплин. Она представлена ныне во всех сколько-нибудь значительных научных центрах, преподается практически во всех университетах. Издается огромное количество политологических журналов. Литература по соответствующим проблемам насчитывает тысячи и тысячи наименований. Оформились крупные политологические школы, выработаны эффективные методы исследования и развитый теоретический инструментарий.

В России до 1917 года и в советское время примерно до середины двадцатых годов политическая социология также получила определенное развитие. Но в дальнейшем в СССР картина была совершенно иной. Система, которую сегодня принято обозначать как тоталитарную, была в значительной степени несовместима с политикой как областью взаимодействия социальных групп и организаций в области функционирования и структуры государственной власти. Подавляющее большинство населения оказывалось фактически выведенным за рамки политического процесса. Если политическое взаимодействие и имело место, то протекало оно в скрытых формах, и никто из его участников не был заинтересован в «девуализации» этих форм, в серьезном научном исследовании реальных структур и механизмов власти, действительных каналов и способов давления на нее.

Сегодня в политику вовлекаются значительные массы населения, формируя тем самым широкий спрос на социологические и политологические знания. С другой стороны, более открытыми и доступными для научного анализа становятся механизмы подготовки и принятия политических решений. В этих изменившихся условиях исследования в области политической социологии оказываются столь же необходимыми, сколь и возможными.

Заметим, что в современных условиях, когда уже подготовлен ряд специальных работ, в том числе и учебного профиля, в области истории, философии, социологии, правоведения, политологии, продуктивно появление работ, выполненных «на стыке» общественных дисциплин, в которых предпринята попытка междисциплинарного синтеза гуманитарного знания.

Дело в том, что во всех обществоведческих курсах, в рамках определенного предмета изучается человек, точнее – человеческая деятельность в социально-преобразующих формах.

Человековедение – широкое интеллектуальное поле гуманитарных (и естественных) исследований. Игроки на этом поле могут быть одеты в форму различных специальностей и кафедр. Но объект познания у них общий. Так, философы осмысливают историческое бытие, размечают карту историко-концептуального познания, пытаются сформулировать социальные законы, ответить на вопросы о смысле развития цивилизаций, выработать систему ценностных оценок.

Все это невозможно без понимания природы самого человека как биосоциального феномена. Сегодня ясно, что социальная организация обусловлена этой природой. Известный российский философ Д. И. Дубровский справедливо утверждает, что под «природой человека» обычно имеют в виду комплекс устойчивых свойств социального индивида, инвариантных по отношению к различным историческим эпохам, этносам, общественным и государственным устройствам, что указывает на их детерминированность биологической организацией (т. е. генетическими факторами). Тогда понятен контекст, в котором «природа человека» соотносится с социальной организацией и социальным развитием. Крах многих политических конструкций, базировавшихся на социальных утопиях, обусловлен прежде всего их несоответствием человеческой природе.

Для адекватного «прочтения» социополитической партитуры исторического процесса необходимо выявление мотивов поступков людей, поведения разных социальных групп, особенно в моменты исторических разломов, смены эпох, смут, революций. Общественная психика в такие «минуты роковые» бывает перегрета, социальные беды при их умелом использовании политическими лидерами, манипулировании инстинктами толпы, в которую часто

превращается социум, расставляют свои приоритеты. Поэтому здесь правомерно обращение к наработкам психологической науки. Ученые не должны полностью отдавать на откуп поэтам и писателям анализ и учет в социокультурных изысканиях таких экзистенциальных характеристик человеческого бытия, как страх, зависть, страсть, агрессивность и др. Часто – это не менее действенные мотивы человеческих поступков, чем, скажем, социально-экономические факторы.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание студентов, аспирантов, преподавателей. Уважение к накопленному интеллектуальному материалу, знание социальных учений, имен их создателей – неперемнное условие процесса обучения и творческого созидания. Скепсис, основанный на невежестве или дилетантизме, смешон. Но как создатели новационных учений и теорий входили в науку в чем-то критически переосмысливая вклад своих предшественников, так и отношение к ним самим тоже не допускает фетишизма, слепого преклонения. Такой подход – не лучшая дань памяти крупных мыслителей. Жизнь стремительно идет вперед, открытия в генетике, биологии, новое информационное пространство – диктуют свои требования к гуманитарии. Нужны новые идеи. Одним из ярких примеров добросовестного, но отнюдь не апологетического подхода к коллегам по профессиональному цеху до сих пор остается капитальный труд французского социолога Р. Арона «Этапы развития социологической мысли». (М. 1993).

И еще одно замечание. «Классики» – тоже живые люди. Они ходят по общим социальным тропам. Амбиции, творческая ревность, корпоративные и личные пристрастия, жизненные заботы – это все присуще им и как просто людям и как членам академического или преподавательского сообщества. Достаточно внимательно прочесть недавно изданную у нас переписку 1920–1963 гг. таких крупных социальных философов, как М. Хайдеггер и К. Ясперс (М. 2001).

Предлагаемая книга содержит авторский взгляд на историю России новейшего времени в параметрах политической социологии. Авторы будут признательны всем, интересующимся социально-политическим развитием своей страны, кто сочтет возможным ознакомиться с их трудом.

Использованная и рекомендуемая литература

Аносов И. П., Дубровский Д. И., Кулешов С. В. Человек в антропологическом измерении. М. 2002.

Буков В. А., Жильцов Н. А., Кулешов С. В., Медушевский А. Н. История России в политико-правовом освещении. Часть I (IX-нач. XX вв.). М. 2005.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М. 1998. Философия истории. Антология. М. 1994.

Глава I

Политическая социология: мировой контекст анализа

Социология, основанная Огюстом Контом еще в начале позапрошлого века, продолжала развиваться на Западе и особенно в США и достигла там значительного успеха. Активно развивается она и в демократической России. Без современной социологической теории, представленной рядом крупных научных направлений и школ, связанных с ними программ конкретных социологических наблюдений, данные которых обрабатываются с помощью новейшей электронно-вычислительной техники, невозможно сегодня представить ни одно крупное социальное мероприятие. Можно констатировать широкое применение социологических исследований в бизнесе, изучении социальных структур и их функционирования, политического процесса, организации власти и лидерства. Социология повсеместно включена в программы высших учебных заведений, является одной из наиболее популярных дисциплин (отчасти сменив в этом отношении право), на ее развитие и распространение не жалеют средств. В то же время, можно констатировать сближение или даже интеграцию с социологией всех других общественных дисциплин – философии, истории, политической экономии, этнографии, юриспруденции и других, каждая из которых в большей или меньшей степени претерпела общий для них всех процесс социологизации. Действительно, имена крупнейших социологов XX века – Макса Вебера, Питирима Сорокина, Талиота Парсонса и др. можно в равной мере встретить как в собственно социологической литературе, так и в многочисленных трудах по философии, праву, истории. Все это не значит, конечно, что социология полностью вытеснила или тем более заменила собою другие науки. Совсем напротив: развитие социологии стало возможно не вопреки, а вследствие развития многих конкретных областей человеческого знания, объяснение и синтез которых как раз и составляет ее основную задачу.

Здесь мы вплотную подошли к важному вопросу о предмете и методе социологии как самостоятельной научной дисциплины. Дать их обоснование и означает в сущности установить соотношение социологи с другими науками об обществе и в то же время – провести разграничительную линию между ними. И в прошлом и в настоящее время вопрос этот был предметом острых споров. Одни ученые полагали, например, что социология есть не что иное как простая сумма, сводка достижений других – конкретных наук, накапливавших свой материал путем непосредственных наблюдений фактов реальной жизни. На этом основании за социологией вообще отрицалось звание самостоятельной научной дисциплины. Специфическим проявлением этого же взгляда явились различные попытки отождествить социологию с какой-либо другой общественной или естественной наукой – правом, психологией, этнографией, экономикой, историей, наконец, биологией и т. п. Так возникали, а в определенной степени и продолжают существовать различные школы и направления в социологии, связывающие ее дальнейшее существование с разработкой той или иной области человеческой деятельности, того или иного фактора общественного бытия, который признается решающим и определяющим все остальные.

Понятно, что такой подход в любом конкретном его проявлении уже в момент своего возникновения вызывал веские возражения оппонентов, каждый из которых мог привести вполне убедительные контраргументы и факты, не укладывающиеся в предложенную схему. Следует отметить, однако, что возникновение данного взгляда имеет и имело, особенно на начальном этапе развития социологии, определенные основания объективного характера. Главным из них явилось общее состояние всех наук об обществе, переходный период в их развитии. Не случайно основатель социологии – О. Конт определял прогресс человечества как развитие знания, которое идет в три этапа: от теологических систем к метафизическим и от них – к позитив-

ному (т. е. подлинно научному, реальному) знанию. Тот период, когда закладывались основы социологии и формировался ее метод, явился, согласно рассмотренной выше периодизации, эпохой перехода от метафизика к позитивизму, сопровождавшегося существенной трансформацией методологических основ общественных наук. Отказавшись, с одной стороны, от цельных метафизических систем и вместе с тем единого общего взгляда на мироздание, который был свойственен предшествующей философской традиции, прежде всего классической немецкой философия, наука, в то же время, не выработала еще нового целостного представления об обществе как единой системе со свойственными ей отношениями и противоречиями. Социология как «позитивная» наука могла, поэтому, лишь декларировать создание такого общего взгляда, а реально изучать лишь отдельные факторы, социальные структуры и учреждения, их иерархию и степень влияния. В условиях временной утраты общей перспективы социология долгое время не могла, по-видимому, ставить себе других задач.

Другой взгляд на социологию, восходящий также к Конту, Спенсеру и Миллю и легший в основу современной социологической теории, сформировался в русле неокантианской традиции в конце XII – начале XX вв. Философское обоснование он получил прежде всего в трудах немецких ученых, в частности, В. Дильтея, Г. Риккерта и В. Виндельбанда, идеи которых определили представления о социологии как науке, качественно отличной от всей той совокупности научных дисциплин (и каждой из них в отдельности), которые составляют ее основу. Согласно данному учению все вообще науки распределяются на две большие группы – номотетические и идеографические в соответствии с предметом их изучения. К первой группа наук – номотетических – относятся те, которые исследуют процессы и явления закономерные, а цель этих наук как раз и состоит в отыскании этой закономерности, открытии за разнообразием проявлений повторяемости, типичности и единства, которые, по закону экономии мышления, должны быть сведены к простым формулам, выраженным математически и поддающимся эмпирической проверке. Ко второй группе – наук идеографических – относятся те из них, которые имеют дело с явлениями неповторимыми, индивидуальными (отсюда их название), которые не подчиняются в своем развитии никакой определенной закономерности, а потому и не могут быть выражены в виде формулы. К числу таких наук относятся все те дисциплины, которые, в силу особенностей своего объекта и методов его изучения, вынуждены работать на уровне описания явления, а не анализе закономерностей их развития. Такими науками являются, например, биология, геология, все или почти все науки об обществе и прежде всего история. Отметим, что данное противопоставление наук номотетических и идеографических является в какой-то степени модификацией известной идеи Конта, который в своей классификации наук, распределяя их на абстрактные и конкретные, социологию, как науку синтезирующую, противопоставлял истории, как науке конкретной, эмпирической, задачу которой составляет сбор фактов для последующего обобщения.

Исходя из этого процесс образования понятий в науках двух групп совершенно разный. Если в науках номотетических он находит выражение в формулах, отражающих общие всем явлениям данного типа свойства, то науки идеографические оперируют понятиями, представляющими собой исследовательские конструкции – «идеальные типы», которые могут лишь в большей или меньшей степени приближаться к истине, но неспособны выразить ее полностью. Цель «идеального типа» – выразить не все, а лишь наиболее общие, типические черты данного явления или процесса. Поэтому он, являясь результатом исследовательской конструкции, неизбежно приобретает (в отличие от математической формулы) субъективный характер, являясь не столько результатом познания, сколько средством его.

Все сказанное делает понятным, каким должен был стать новый взгляд на социологию, сформулированный на основе метода идеальной типизации. Социология в указанном ее понимании призвана была стать наукой синтезирующей по преимуществу. В русле данной научной традиции социология к началу XX века уже достаточно четко определила свой предмет и метод

в качестве самостоятельной научной дисциплины. Споры на эту тему и труды Э. Люркгейма, Г. Зиммеля и особенно М. Вебера по этим проблемам создали философские основы и принципы того метода, который мы теперь называем социологический. Смысл существования социологии, как самостоятельной науки, был найден в создании (на основе данных других наук, носящих индивидуальный характер) таких идеальных типов или образов явлений, которые обобщают их наиболее характерные черты с целью выполнения устойчивых связей и отношений между ними, решения вопроса об их преемственности в общеисторической перспективе.

До сих пор мы говорили только о немарксистской философии и социологии, поскольку современная социология как наука, получившая развитие преимущественно на Западе, нашла свое обоснование именно в русле данной научной традиции. Это обстоятельство не исключает, однако, определенное влияние на социологию марксистской мысли, прежде всего в тех областях, которые непосредственно изучают социальные и классовые противоречия, революционный процесс, проблемы идеологии, как, например, социология конфликта, рассматривают ключевые проблемы современности. Во всяком случае можно констатировать определенный рост интереса к данной научной проблематике, которая все более становится предметом осмысления как теоретической, так и конкретной социологии. Таким образом, современная социология, при всем разнообразии составляющих ее направлений и школ, представляет собой науку, место и значение которой вполне определилось. Из дисциплины, самосуществование которой еще не так давно ставилось под сомнение, социология очень быстро превратилась в одно из ведущих направлений современной научной мысли и деятельности.

Существует, несомненно, объективное различие между историческим и чисто логическим подходами в научных исследованиях. В качестве примера такой ситуации в естественных науках (напр., биология) можно привести изучение роста дерева. При историческом подходе в центре внимания окажется сам процесс зарождения, становления и развития дерева, стадии его роста, как например, возникновение дуба из желудя. Для историка главной проблемой становится вопрос о том, как данное явление возникло, какие стадии в своем развитии оно прошло и чем стало? Но возможен и другой подход к тому же явлению, состоящий в попытке раскрыть механизм его функционирования, например, понять, каким образом дерево устроено, как осуществляется подача в него питательных веществ, каковы каналы коммуникаций и т. д. При таком подходе центральным оказывается вопрос о том, почему данное явление вообще существует, «работает» так, а не иначе. При изучении общественных явлений таков именно подход социолога. Социология (в отличие от истории) изучает не столько развитие общества, сколько механизм его функционирования.

Этим определяется во многом место социологии в кругу других общественных дисциплин. Если философия подходит к обществу, используя главным образом метод дедукции, то история, наоборот, слишком конкретно, используя метод индукции и ставя своей задачей прежде всего получение критически проверенных фактов. Социология призвана дать синтез обоих подходов, состоящий в возможности построения общих понятий или моделей социальных явлений, опирающихся в то же время на данные эмпирических исследований и, в силу этого, поддающихся проверке, верификации.

Известно, что всякая наука определяется своим методом и предметом. Метод социологии и, собственно, политической социологии – совпадает. На этом основании ряд ученых (напр., Т. Парсонс) указывали на трудность или даже невозможность разграничения обеих наук. Однако по своему предмету политическая социология, несомненно, имеет весьма определенные черты самостоятельной научной дисциплины. Дело в том, что областью ее изучения является политический процесс, т. е. та сфера общественной жизни, которая, несмотря на свою актуальность, мало изучена, традиционно окутана непроницаемой завесой тайны и всего менее желающая раскрыть закономерности своего функционирования. Изучение этих проблем имеет давнюю традицию, восходящую к Аристотелю, Макиавелли, Монтескье, а в новейшее время представ-

ленную трудами Вебера, Моски, Парето и их последователей. Поэтому политическая социология находится на стыке социологии, политологии и истории и может интерпретироваться как применение социологических методов к решению традиционных проблем политической науки.

Обратимся к некоторым фундаментальным проблемам политической социологии. Начнем с *теории социальной стратификации*.

В любом обществе, как известно, существует более или менее оформившаяся дифференциация слоев, групп и индивидов, разграничение которых можно провести в принципе по самым разнообразным признакам. На этом основана теория социальной стратификации – одного из центральных направлений современной социологии, ставящего своей задачей поиск, выявление и объяснение неравенства в обществе. Социология была первой наукой, поставившей своей задачей изучение общества как единого целого, преодолевая таким образом традиционно имевшее место преимущественное внимание к отдельным аспектам социальной системы. Основной для нее стала поэтому концепция социальной структуры, т. е. систематического взаимодействия форм поведения или деятельности в различных обществах.

В современной науке данный подход нашел наиболее полное обоснование в структурализме, ставящем своей задачей поиск такого рода структур в различных регионах и на разных этапах истории человечества. Всякая социальная структура, по словам Ж. Гурвича, может быть определена как «неустойчивое равновесие, непрерывно воссоздающееся благодаря обновляющимся условиям, между множеством иерархий внутри социального явления макросоциологического характера; она представляет лишь сектор или аспект этого явления. Это равновесие множества иерархий подкреплено и спаяно моделями, знаками, символами, социальными ролями, ценностями и идеями, короче говоря, произведениями культуры, свойственными этим структурам». При таком роде подходе открывается возможность сравнительно-исторического и эмпирического изучения тех проблем, которые ранее были исключительным предметом философских рассуждений и моральных сентенций всякого рода. Это наблюдение относится в первую очередь к изучению социальной дифференциации. Дело в том, что разделение общества на классы или страты, которое формирует иерархию престижа и власти, представляет собой практически универсальную черту социальной структуры, которая всегда привлекала к себе внимание философов и социальных мыслителей. Но только благодаря современной социологии она начала становиться предметом критического и аналитического изучения.

Учение о социальной стратификации, будучи создано по аналогии с некоторыми разделами естественных наук (в частности – геологии) было призвано создать универсальную сеть социального деления – от самых крупных до самых мелких его структур. Необходимо отметить, что в настоящее время нет единой социологической теории, которая объясняет полностью природу социального разделения. Социологи прошлого думали, что они открыли законы (главным образом в сфере социальной эволюции), с помощью которых эта задача может быть решена. В настоящее время наука об обществе ставит перед собой гораздо более скромные задачи – выработку четких методов и понятий – для аналитического изучения проблемы, анализ большого сравнительно-исторического материала и классификацию выявленных явлений. В то же время существуют такие общепринятые понятия, как, например, социальная структура, институт, функция, социальный класс, статус, мобильность, бюрократия, которые признаются всеми исследователями и составляют необходимый инструментарий для проведения исследований и в ходе научных дискуссий.

В рамках теории социальной стратификации под «стратой» может пониматься самое разнообразное социальное образование – от «класса» в почти марксистском его понимании до небольшого слоя, группы или даже маргинальной группы, выделяемых по различным критериям, напр., по национальному, половому или возрастному принципу, профессиональной принадлежности или образованию. Теория социальной стратификации, следовательно, в снятом

виде включает в себя теорию классового деления, но стремится пойти дальше нее, ставя своей задачей максимальное выявление всех структур, реально существующих в обществе. При этом следует учитывать разграничение современной социологией двух принципиально различных видов социальных образований – социальных групп и так называемых квази-групп.

Социальная группа может быть определена как такое объединение индивидов, в котором существуют определенные отношения между входящими в него индивидами и каждый из них осознает свою принадлежность к группе и ее символы. Иначе говоря, социальная группа должна иметь как минимум установившуюся структуру и организацию (включая сюда правила, ритуалы, нормы поведения и т. д.) и наличие психологической основы сознания ее членов. Семья, деревня, нация, профсоюз, партия представляют собой социальные группы в данном смысле. Квази-группа, напротив, является таким социальным объединением, в котором отсутствует структура или организация и члены которого могут не сознавать или осознавать лишь в небольшой мере свою принадлежность к нему. Социальные классы, статусные группы, половые и возрастные группы, толпы являются примерами подобных квази-групп. Как показывают, однако, эти примеры, границы между группами и квази-группами весьма подвижны и изменчивы: квази-группы могут постепенно превратиться в группы, как, например, классы – приобрести партийную организацию, а феминистическое движение – свою ассоциацию.

Согласно данному подходу классы, поскольку они представляют собой реальное социальное явление, могут быть определены как группы, не являющиеся закрытыми. Их базис несомненно экономический, хотя они представляют собой нечто большее, чем экономические группы. Классы в таком понимании, т. е. как оформившиеся социальные образования, характерны для индустриального общества, развивавшегося в странах Европы примерно с XVII в. Определенные проблемы возникают при определении числа классов, а также изменений в их составе. Большинство социологов признает существование высшего класса (включающего собственников большей части экономических ресурсов общества), рабочего класса (главным образом наемных рабочих) и среднего класса или классов – наиболее размытой группы, в состав которой обычно включают людей либеральных профессий и белые воротнички). Для некоторых обществ признается целесообразным также выделение четвертого класса – крестьянства. Таким образом, деление до классовому признаку позволяет понять некоторые существенно общие тенденции развития социальной структуры.

Одним из основателей теории социальной стратификации в современной социологии признается поэтому К. Маркс, которому принадлежит первая попытка систематического изучения деления общества на классы в соответствии с единым – экономическим критерием. Такой подход к обществу, состоящий в изучении социальных структур и противоречий между ними, оказался весьма перспективным и составил основу всех последующих теорий социальной стратификации. Выдвинутое Марксом понятие «класс» – стало центральным для всей его теории общества и социальных изменений, оказавшись значительным шагом вперед в разработке этих проблем. Хотя современная социология считает понятие «класс» не вполне приемлемым (из-за его абстрактности и невозможности применения в строгом смысле слова ко всем эпохам за исключением индустриальной), важно подчеркнуть, что большинство новых течений социальной стратификации сформировалось под определенным воздействием марксистского понятийного аппарата или представляет собой по меньшей мере реакцию на него.

Указанное воздействие могло быть только косвенным, а не прямым, поскольку марксизм и современная социологическая теория формировались на основе различных философских традиций, имели различные идейные ориентации и опирались на уровень научной мысли разного времени. С течением времени ортодоксальный марксизм, превратившись из научного учения в политическую идеологию, оказался не способен интегрировать достижения общественных наук своего времени. Стремление отдельных мыслителей, как Бухарин, Лукач, Грамши, найти точки соприкосновения между прогнозами Маркса и действительностью современного

мира не получало дальнейшего развития. Особенно негативны были последствия такой ситуации в области теории социальной стратификации, которая строилась на материале общества, принципиально отличного от того, с которым имел дело Маркс. Из этого следует необходимость критической проверки многих положений данного учения с точки зрения их соответствия новому историческому опыту.

Суммируя основные критические возражения относительно марксистской теории классов и современной социологии, можно свести их к следующим принципиальным положениям. Во-первых, эта теория, по мнению большинства западных исследователей, не отражает адекватно реальную структурную дифференциацию в экономической, социальной и политической областях жизни общества, особенно современного. Можно, в частности, констатировать значительно большую, чем мог наблюдать Маркс, структурную дифференциацию современного общества, понять которое нельзя без введения ряда новых параметров социальной стратификации, в том числе для разграничения социальных групп по отношению их к собственности на средства производства, участию в управлении ими, роли в бизнесе, профессиональной специализации, квалификации и т. д., которые непосредственно сказываются на статусе, престиже и благосостоянии индивидов в обществе. Во-вторых, марксистская социология, традиционно сосредотачивая основное внимание на производственных отношениях, имеет тенденцию к преуменьшению значения разнообразных иных структурирующих факторов, имеющих огромное, а иногда и решающее значение, как, например, отношений власти или родства. В-третьих, марксистская теория склонна к преуменьшению различных культурных факторов, играющих большую роль в определении поведения. Между тем сохранение стабильности общества или его изменения во многом зависят от таких факторов, как господствующие ценности, религиозные воззрения, научные идеи, значение которых возрастает, в частности, в условиях научно-технического прогресса, рационализации общества. Данная критика классовой теории исходит, как мы видели, прежде всего из чрезвычайной абстрактности категорий исторического материализма, являющихся скорее продуктом философского синтеза нежели социологического обобщения.

Крупнейший шаг в развитии теории социальной стратификации был сделан М. Вебером, который, стремясь преодолеть априорность философского подхода к обществу, отталкивался от концепции Маркса, а отчасти развивал его взгляды. Вопрос о том, до какой степени можно говорить о преемственности в воззрениях обоих мыслителей, вызвавший большую дискуссию в современной науке, не входит здесь в предмет нашего специального рассмотрения. Ограничимся, поэтому, указанием на тот факт, что основные проблемы теории Маркса – отношение экономики и общества, социальная стратификация и социальный конфликт, природа власти – стали предметом размышлений также и Вебера, а его выводы несомненно в значительной степени можно понять как поиск альтернативы марксистской концепции.

Для подхода Вебера к стратификации характерен поиск более дробной, чем у Маркса, системы их классификации с целью учесть более мелкие социальные деления. Этим объясняется выделение Вебером трех ярусов классификации – социального, экономического и юридического – вместо одного (экономического), причем каждый из них представлял собой особую систему ранжированных группировок. Первый – социальный ярус подразделяется на различные статусные группы, выделение которых происходит в соответствии с их статусом, т. е. степенью уважения и почета, производных от таких факторов, как образ жизни, образование, профессия и т. д. Второй – экономический ярус подразделяется на социальные классы, различающиеся по своей роли в рыночных отношениях, участию в распределении собственности и доходов. Третий – юридический ярус включает различные группы, стратифицирующиеся по своему месту в политической системе и отношению к власти. Положение их при этом определяется двумя предшествующими характеристиками – статусом и экономическим положением.

Эти общие принципы веберовской социологической теории позволяют лучше понять его подход к проблеме стратификации.

Если Маркс выделял только один критерий разделения общества – отношение различных его слоев к средствам производства (и, соответственно, участию в распределении материальных благ), то Вебер выделял три таких критерия – класс, статус и власть, которые отнюдь не пересекаются между собой и позволяют составить более детальную картину общественных отношений. Так, история знает социальные слои (классы), пользующиеся благосостоянием (как буржуазия при старом порядке), но не имеющие высшего статуса, престижа и власти, слои, наделенные статусом (например, дворянство), но в меньшей степени располагающие благосостоянием и властью, наконец, такие, которые имеют только один признак – власть (бюрократия), не имея других. С таким триединым подходом к социальной стратификации Веберу удалось в ряде случаев дать более сложную картину социального деления и отношений в обществе, чем его предшественникам. Такой подход давал возможность изучать многие социальные закономерности на микроуровне. В качестве примера можно привести анализ противоречий классов и статусных групп, находящихся выражение в структуре власти и положении бюрократии.

Различие концепций Маркса и Вебера, а также сходные их черты всего отчетливее проявились в понятии «отчуждения», интерпретации конфликта общества и отдельного индивида. Для Маркса при изучении общества важнейшими были отношения собственности на средства производства, для Вебера – отношения власти. В соответствии с этим для первого из указанных мыслителей отчуждение личности от общества является следствием эксплуатации, выражением отделения производителя от средств производства. Для второго оно является следствием отношений власти, выражением рационализации в бюрократизации общества. Как показано в современной социологической литературе, оба подхода, однако, не особенно противоречат друг другу, а скорее взаимодополняемы. Власть, означающая контроль над средствами производства, фактически тождественна с собственностью на них. Эта тенденция прослеживается особенно четко в сверхбюрократизированных обществах новейшего времени.

Власть определяется по Веберу как возможность для группы или индивида осуществлять свою волю, несмотря на сопротивление ей в обществе. Власть зависит от обладания определенными ресурсами (а точнее правом распоряжаться ими) в рамках существующей социальной организации. Современное государство (бюрократия), все больше монополизирующее функции контроля над экономикой, административным аппаратом и армией, становится доминирующим институтом, оказывающим активное обратное воздействие на процесс социальной стратификации.

Существенным этапом в развитии теории социальной стратификации стал структурно-функциональный подход. Еще Э. Дюркгейм и его школа высказывали идею о том, что поскольку современное общество имеет сложную и высокодифференцированную систему распределения ролей, разные индивиды побуждаются к их принятию. Общество предписывает группам и отдельным индивидам разнообразные цели, а также средства, которые на законном основании могут использоваться для их достижения. Анализируя функцию стратификации, сторонники данного направления видят в ней механизм, с помощью которого общество стимулирует индивидов к определенной деятельности – достижению разнообразных позиций, необходимых в сложной социальной системе. Широкое разнообразие позиций предполагает наличие индивидов, различных по уму, образованию, физическим качествам и т. п. Развитие общества в том или ином направлении предусматривает своего рода отбор людей определенного типа, установление большего соответствия их качествами и характером деятельности. Подобное воздействие общества на индивида с целью побуждения его к определенной деятельности является источником не одних только позитивных изменений, но и аномии – отчуждения в терминологии Дюркгейма.

Функция стратификации, согласно такому подходу, состоит в том, что она наступает как система распределения ролей. Из этого следует, что главный признак работающей социальной системы состоит в наличии относительно стабильной иерархии социальных рангов. Структурно-функциональная теория, основная заслуга в разработке которой принадлежит Т. Парсонсу, играет большую роль в объяснении стратификации. Она исходит из того, что всякий социальный статус предполагает не одну, а целый ряд возможных ролей. В результате возникает допустимость таких социальных отношений, в которые индивиды втягиваются просто потому, что имеют определенный социальный статус. Так, человек, имеющий статус чиновника – начальника или подчиненного по отношению соответственно своих выше или ниже стоящих собратьев, может играть многие другие роли в отношении своих коллег по работе, обслуживающего персонала и т. д.

Соответствие места в социальной стратификации (статуса) и функций не является, таким образом, совершенно однозначно детерминированным. С этой точки зрения весьма важен вклад в структурно-функциональную теорию Р. Мертон, введшего понятие «дисфункция». Сама постановка данной проблемы вызвала оживленный обмен мнениями в социологической литературе, причем Парсонс отмечал позитивность такого подхода к изучению общества, хотя и считая его лишь частным случаем своей теории. Он полагал, что наука должна изучать в принципе нормальное функционирование социального организма, учитывая одновременно возможность патологических отклонений. «Дисфункция» как раз и оказывалась такой патологией в развитии общества. Мертон обратил внимание на то, что при определенных условиях воздействие социальных структур на индивида ведет скорее не к общепринятому, а наоборот – отклоняющемуся поведению. Отсюда различные типы приспособления индивида к обществу, главными из которых являются конформизм и неконформизм. Несоответствие места в социальной структуре и выполняемых функций, расхождение между средствами и целями их достижения (возникающее, как правило, в изменяющихся условиях) ведет к появлению дисфункции.

Всякая стратификация предполагает дифференцированную оценку и ранжирование групп в соответствии с какой-либо шкалой ценностей. Во многих случаях стратификация отражает развитие одного критерия ранжирования (богатство, власть, профессия). Однако эти одномерные типы стратификации имеют наибольшее значение для относительно простых социальных структур. По мере того, как социологи стали уделять внимание обществу в целом, сложным социальным образованиям, стремиться установить взаимосвязь различных показателей, было обнаружено, что система стратификации должна разработать многомерный подход, позволяющий делить общество на широкие социально-культурные группы различного уровня, напр., классы, статусные группы, каста и т. д. Стало ясно, что подход Вебера и ряда других крупных ученых начала XX в. к социальной стратификации (в частности, веберовская троичная модель признаков) не исчерпывает всех потенциальных возможностей данного метода. Современная социология исходит поэтому из необходимости такого многомерного подхода к стратификации, при котором учитывались бы все значимые признаки социальной дифференциации. Понятно, что значимость тех или иных признаков во многом вытекает из общей позиции того или иного исследователя, того, как представляет он роль данного фактора в функционировании общества. Отсюда преимущественная направленность конкретных исследований на экономические, социальные, биологические или какие-либо другие направления стратификации.

В то же время необходимо признать известную правоту тех исследователей, которые считают, что уже сама возможность проведения стратификации по какому-либо признаку, даже самому незначительному (например, цвету волос, наличию или отсутствию веснушек и т. п.), может оказаться информативной при нетрадиционном повороте темы исследования и, тем самым, доказывает свое право на существование. Кроме того, в современной социологической

теории показано значение ценностного подхода в социальной стратификации – измерения престижа и его распределения среди различных групп в обществе. Престиж определяется при этом как результат совместного действия двух факторов – системы ценностей и функционального значения ролей, воплощенных в структуре занятости населения.

Имея всеобщий характер, метод стратификации может быть применен как к современному, так и к любому из прошедших обществ. С теоретической точки зрения может быть обобщено любое подразделение, исходящее из наличия в обществе определенных независимых функций и соответствующих им социальных явлений. Руководствуясь таким подходом, Б. Барбер выделял следующие основные измерения (или параметры) теории социальной стратификации: власть, престиж знания, богатство, образование и знания, религиозная принадлежность, семья и позиция в этнической группе.

Особое значение имеют те параметры социальной стратификации, которые позволяют установить некоторые тенденции ее изменения. Так, стратификация по величине дохода или богатства дает возможность понять, какие роли в обществе открывают большие возможности для обогащения, каков, следовательно, тот способ действия и социальный облик, которые необходимы при данной системе отношений для преуспевания. С другой стороны, открывается перспектива изучения влияния богатства на положение в обществе, в частности социальную мобильность индивидов, которые за деньги приобретают образование, титулы, должности, а иногда – выгодные матримониальные связи.

Как показано в работах по социальной стратификации, она может приобрести либо пирамидальную, либо ромбовидную форму с разной степенью выраженности пиков в обоих случаях. В целом, отмечал Б. Барбер, западное общество эволюционирует от более пирамидального к более ромбовидному типу стратификационной структуры по доходу и богатству, хотя даже при новой форме сохраняется значительная пикообразность, пожалуй, не меньшая, чем раньше. При изучении формальных организаций, в частности бюрократии, данное направление стратификации позволяет проследить имущественную дифференциацию входящих в нее слоев, сделать выводы о корреляции должности в административном аппарате и степени богатства, способах обогащения. Как показывают наблюдения, между двумя факторами существует тесная взаимосвязь, которая впрочем менялась с течением времени: богатство способствовало проникновению в административный аппарат, т. е. непосредственно влияло на характер социальной мобильности и, наоборот, получение определенных должностей – ролей в управлении и связанная с ними власть открывали путь для обогащения как законными, так и незаконными путями.

Такое направление социальной стратификации как престиж профессий дает возможность установить, как само общество определяет степень значимости того функционального вклада, который вносит данный род деятельности. Примером может служить само изменение значимости (престижности) таких профессий, как военная, религиозная, бюрократическая и более новых – коммерческой, промышленной, научной. В соответствии с этим менялось основное направление социальной мобильности, которая в настоящее время все больше осуществляется, например, через науку и образование, ведет к появлению меритократии. Анализ удельного престижа той или иной профессии, а для более ранних эпох точнее сказать – рода деятельности, позволяет объяснить, в частности, многие особенности их взаимного отношения и иерархии. Мы увидим, в частности, каким образом большая престижность военных должностей перед гражданскими в эпоху абсолютизма влияла на процесс рекрутирования армии (из привилегированного сословия дворян) и бюрократии (из менее привилегированных слоев общества, разночинцев и т. п.). Престиж должности или чина определяет статус его владельца в обществе, заинтересованность его членов в приобретении данного статуса. Особое значение в этой перспективе приобретают должности, дающие радикальное, качественное изменение

статуса, например, переход в более привилегированный социальный слой. Достаточно вспомнить в связи с этим процесс анноблирования буржуазии.

Ранжирование по признакам религиозной принадлежности или чистоты, этническим и родственным группам имеет особое значение при изучении традиционалистских обществ, где эти факторы играют весьма заметную роль во всех социальных процессах. До сих пор влияние этих факторов сказывается в развивающихся странах в структуре власти, характере мобильности, сохранении ряда традиционных пережитков и т. д. Постепенное вытеснение этих норм из деятельности государственного аппарата, формализация его структур, процедур и функций становится важным признаком рационализации и бюрократизации управления.

Стратификация по уровню образования и знаний (особенно профессиональных) служит важным признаком, позволяющим установить роль науки в жизни общества. Роль научно-технической революции необыкновенно повышает значение интеллектуальной элиты в развитии общества. Процесс этот идет по нарастающей линии, и некоторые ученые предсказывают даже господствующее положение интеллигенции в будущем. Во всяком случае такие процессы, как рост среднего класса или революция менеджеров могут быть объяснены лишь с учетом возросшей роли науки как производительной силы и, соответственно, увеличения числа людей свободных профессий. Роль образования как фактора социальной мобильности можно проследить главным образом, начиная с нового времени. Но и до этого во многих странах существовала практика привлечения на государственную службу способных людей из низших социальных слоев.

Особенно важно остановиться подробнее на таком аспекте социальной стратификации как власть. Данный признак действительно является центральным для понимания всей социальной системы и характера ее управления, а корреляция его с другими признаками дает возможность установить существенные тенденции социальной эволюции. Некоторые социологи вообще подходили к стратификации как к простому различию между политически господствующими группами и массами – правящим меньшинством и политически зависимым большинством. Главный теоретический вклад Г. Моски, Р. Михелса и В. Парето усматривается в определении процесса изменения классовой структуры и связанных с ним характерных черт доминирующих групп. Власть по Веберу может быть определена как способность достижения целей в социальной системе, независимо от сопротивления ей. Власть в этом смысле очевидно функциональна для всех социальных систем как больших, так и малых, а также для всех типов общества. С точки зрения структурно-функциональной теории все роли в социальной системе подразделяются в соответствии с тем, как распределяется власть между ними. На этой основе становится возможной стратификация структуры власти. Власть, законная или незаконная, имеет в обществе источник своего функционирования. Степень разделения труда и специализации в обществе будет воздействовать на типическое распределение рангов, существующих в нем. Когда власть действует согласно с чувствами других актеров в социальной системе, она воспринимается как законная, когда против их моральных убеждений – как незаконная. Отсюда понятие легитимности (законности) власти, введенное еще Вебером и играющее большую роль в изучении механизма управления. На этом основано, в частности, разделение таких понятий, как власть и могущество. Под первой (властью) понимается иногда только законная способность к достижению целей в обществе, под вторым (могуществом) – незаконное подоприе власти. Так, демократически избранное правительство, опирающееся на законы страны, имеет власть, а главарь преступной шайки – только могущество.

Стратификация власти объясняет очень многое как в механизме ее функционирования, так и в ее исторической эволюции, показывая последовательную смену определенных моделей организации управления обществом.

При разработке проблем социальной стратификации особое значение имеет вопрос о том, какой признак или признаки должны быть положены в основу классификации социаль-

ных явлений. В настоящее время большинство социологов стоит на той точке зрения, что достроить действительно полезную классификацию едва ли можно на базе одного критерия, который будет отвечать всем требованиям. Ясно, что классификационные схемы, предлагавшиеся социологами прошлого и исходившие из возможности объяснить всю эволюцию общества развитием в нем какого-либо одного начала (экономика, рост народонаселения, борьба рас и т. п.), должны быть по меньшей мере дополнены многими другими классификационными признаками. Особенно важно отметить это для современного развитого индустриального общества, для которого характерна относительная автономность экономических, социальных и политических институтов, а одни и те же процессы по-разному проявляются на различных уровнях социальной системы. В связи с этим в литературе подробно обсуждаются проблемы понятийного аппарата, причем основное внимание уделяется разработке универсальных понятий, годных для объяснения социальных явлений на различных этапах их развития с учетом специфики и зрелости этих явлений. Формализация понятий идет по линии их структурного и функционального подразделения. Путь к этому – изучение корреляции различных стратификационных рядов.

Корреляция рядов ранжирования различается по полноте и характеру. Системы стратификации могут быть все высоко коррелируемы друг с другом (т. е. обладать совместно высоким, средним или низким уровнем рангов) или обладать меньшей коррелируемостью, когда некоторые из них обладают высоким, другие – средним, а третьи – низшим рангом. По характеру корреляция признаков может быть позитивной и негативной. Позитивной является такая корреляция, при которой с развитием одного признака развивается другой, негативной – такая, при которой с развитием одного признака, другой, наоборот, убывает. Недостаточная корреляция рангов порождает несоответствие статусов, которое, в свою очередь является важнейшим источником социальных напряжений и конфликтов. Несоответствие статусов порождает тенденцию к их уравниванию, т. е. к более высокой корреляции положения индивидов. Отсюда борьба статусных групп. Кроме того, несоответствие статусов находит выражение в типах поведения, отличных от традиционно имевших место, что ведет к дестабилизации системы. Различны и последствия для общества указанных ситуаций. Согласованность статусов может вести к стагнации системы или ее гармонии. Несогласованность статусов может вести к конфликту или ее динамичному (через разрешение противоречий) развитию.

* * *

В современной социологической науке объяснение принципов рациональной организации общества, а в связи с этим и того *социального слоя – бюрократии*, который является ее носителем и наиболее законченным выражением, является одной из важнейших проблем.

Бюрократия представляет собой именно тот социальный слой, от которого в первую очередь зависит реализация функций управления обществом. Хотим мы того или нет, бюрократия есть следствие социального разделения труда – на управляющих и управляемых, а потому существует повсеместно там, где есть необходимость в организации человеческой деятельности, использовании управленческого труда. Бюрократия предстает, следовательно, как межформационное явление, развитие которого во многом совпадает с развитием государства. Это не значит, конечно, что на всем протяжении своего существования данный социальный слой остается совершенно неизменным: специалисты выделяют в его развитии ряд основных этапов, связанных с характером организации бюрократии, которая может носить традиционный (или патримониальный) или же рациональный характер. Как показал Макс Вебер, впервые всесторонне рассмотревший данную проблему, существенными чертами каждого из типов бюрократической администрации являются специализация, дифференциация, иерархия, целевая ориентация, секуляризация (степень независимости от церкви) и ряд других, свидетельству-

ющих о степени рациональности их организации. Данный подход предполагает анализ таких характерных черт всякой формальной организации как четкое разделение труда с соответствующей специализацией; иерархическая структура власти – позиции и должности, связанные с определенной сферой компетенции и ответственности за принятие решений; система правил и инструкций; существование административного штата, обеспечивающего функционирование аппарата, низший уровень которого составляют канцелярские служащие, ответственные за ведение письменной документации; социальная дифференциация и, наконец, принципы продвижения по службе. Интересно проследить формирование этих черт на переломной этапе – при переходе от традиционных форм организации аппарата управления к новым – рациональным. При такой постановке проблемы целесообразно обращение к специальному сравнительно-историческому осмыслению опыта ряда крупнейших реформ прошлого, как на Западе, так и на Востоке, причем безотносительно ко времени их проведения. Такой подход может показаться спорным историку-эмпирику, ум которого нацелен на выявление единичных, уникальных и неповторимых событий и явлений прошлого. Однако, с точки зрения социолога, стремящегося за внешним многообразием событий увидеть их закономерность, он представляется вполне оправданным теоретически. Действительно, можно ли говорить о наличии в мировой истории ряда типологически сходных ситуаций, когда бюрократия из традиционной превращается в рациональную, становится, так сказать, из социальной группы в себе социальной группой для себя, своего рода кастой или сословием, права и привилегии которого в обществе закрепляются законодательно?

Главный вопрос всякой реформы (как и революции) есть вопрос о власти, изменении ее социальной природы, организации, функций. Современная наука об обществе не выработала, несмотря на обилие определений и понятий, единой теории власти. Такой концепции власти нет, как ни странно, и в правовой науке, которая постоянно использует данное понятие и строит на нем многие свои выводы. «Все первичные юридические явления, – говорит по этому поводу Х. Карбонье, – имеют общую субстанцию, состоящую в том, что это – явления, связанные с властью. Политическая социология приложила немало усилий для ответа на вопрос, что такое власть. Тем не менее в конечном итоге это понятие не поддается определению, подобно тому, как это происходит с понятием электричества. Однако наука об электричестве способна развиваться и без предварительной его дефиниции».

Исходя из этого, вполне логично обращение исследователей к таким аспектам власти, которые, благодаря свойственному праву формализму, материализованы в нем и имеют внешнюю форму. На это обстоятельство обратили внимание корифеи социологической науки прошлого века – Спенсер, Дюркгейм, Ковалевский, выведившие социологические обобщения из сравнительного изучения однотипных правовых норм. Отсюда был лишь один шаг к социологии права Вебера, заложившего основы ряда важнейших концепций современной науки об обществе. Можно сказать, что все творчество Вебера в той или иной степени имеет широкую правовую основу. Исходя из методов позитивной науки (получивших философское обоснование у Дильтея и Риккерта), Вебер противопоставлял догматической юриспруденции (с ее моральными оценками правовых норм) социологию права как эмпирическую дисциплину, рассматривающую правовые явления вне их эволюции и не стремящуюся давать им этических оценок. При объяснении права Вебер применял к нему свои взгляды на социальные отношения (принцип каузального взаимоотношения), структуры (рационализация) и ценности (целевая ориентация индивида). В соответствии с этими общими установками разрабатывались далее центральные идеи социологии права, в частности – концепция формальной правовой легитимности. Социология права, власти и лидерства обязана Веберу описанием этих принципов легитимности, их общей структуры и главных типов.

Основными достоинствами теории идеальных типов Вебера являются: возможность обобщения данных социолога в некоторую мыслительную конструкцию; синтез наблюдений,

дающий возможность их логически значимого осмысления; выявление общности, сходства явлений, говорящих о закономерном (или во всяком случае типичном) их характере; наконец, информативность теории при изучении элементов социальных структур. Все указанные позитивные черты веберовской идеальной типологии особенно хорошо работают при анализе как раз тех социальных структур, институтов и процедур, которые являются проявлением процесса рационализации или даже его выражением. К их числу относится в первую очередь бюрократия, веберовская концепция которой остается достижением современной науки, несмотря на многочисленные попытки ее критики, уточнений и исправлений.

Если суммировать основные критические замечания различных школ в адрес социологии Вебера вообще и концепции бюрократии, в частности, то их можно свести к нескольким основным тезисам. По мнению ряда ученых, Вебер, ставя в центр внимания функциональную полезность данного социального слоя (бюрократии), меньшее внимание уделял операционному аспекту, т. е. характеру деятельности бюрократии, что помешало ему раскрыть развитие и взаимодействие внутренних структур. Другие исследователи подчеркивали тот факт, что у Вебера недостаточное внимание уделяется дисфункциональному аспекту и в результате допускается преувеличение рационализирующей природы бюрократии. На самой деле, полагали они, бюрократия – это не только инструмент рационализации общества, но и сила консервативного свойства, она может выступать не только за, но и против процесса поступательного развития общества в направлении к рациональной организации. Кроме того, ряд специалистов обращал внимание на то, что известное преувеличение формальных структурных черт бюрократии приводило Вебера к недооценке поведенческого аспекта деятельности чиновничества, в частности в контексте социально-культурного и персонального компонентов. Социологи-эмпирики указывали также на трудность применения веберовской модели на микроуровне исследования. Нам представляется (в это признают многие ученые), что высказанные замечания носят скорее характер дополнения и, во всяком случае, не подрывают основного тезиса веберовской концепции бюрократии.

Наиболее существенным дополнением, особенно важным для сравнительно-исторического изучения бюрократии, является тезис Парсонса, получивший развитие в трудах многих других исследователей, о необходимости сочетания структурного и функционального подхода к анализу административной организации. Структурно-функциональная модель процессов рационализации в бюрократизации дает возможность представить их более объемно, а следовательно, лучше понять характер тех изменений институтов и процедур управления, которые происходят в результате административных реформ.

К структурному функционализму близко подходят теории французского социолога М. Крозье, попытавшегося соединить функциональный подход с историко-генетическим за счет выдвижения на первый план проблематики социального изменения. В своих основных трудах – «Феномен бюрократии» и «Блокированное общество» этот ученый рассматривает отношения бюрократии и общества с точки зрения теории формальных организаций, в связи с чем предметом его специального анализа становятся действия различных социальных групп, распределение власти, динамика этих процессов в ходе изменения институтов и процедур административного аппарата. Хотя Крозье делает свои выводы на материале больших организаций современной эпохи (которые он справедливо считает фундаментальным явлением современного мира), многие из них имеют общесоциологический характер и могут быть применены к предшествующим периодам истории. Так, весьма интересным представляется наблюдение о том, что бюрократический феномен может успешно рассматриваться с точки зрения социологии организаций, что дает возможность соотносить такие процессы, как рост административного аппарата и параллельно – бюрократии, в исторической перспективе. Главная проблема этой социологии, справедливо говорит Крозье, над которой трудились социологи от Маккиавелли до Маркса и которая до сих пор вызывает споры, – это вопрос о власти, условиях ее при-

обретения, удержания и распределения. Власть в самом общем виде может быть определена как способность одного человека заставить действовать другого согласно своей воле. Власть, далее, дает возможность унификации и рационализации управления, его централизации. Данная тенденция в истории проявляется в бюрократической организации, которая может быть различной, проходя с течением времени различные фазы своей формализации. Безликая бюрократия современности – есть, в соответствии с такой интерпретацией, не что иное как ответ организаций (административных институтов) на поставленные жизнью запросы. Склоняясь далее к функциональному и процессуальному решению проблем, Крозье приходит к интересному наблюдению: «Бюрократическая организация, – говорит он, – это организация, которая не способна исправлять допущенные ошибки».

Применение структурно-функционального подхода к изучению бюрократической администрации дает возможность более четко определить степень ее зрелости и завершенность (приближенности, к рациональному идеалу) в каждую данную эпоху. Критериями оценок при этом могут служить такие параметры как дифференциация состава аппарата в социальном и материальном отношениях, распределение ролей, составляющее основу конфликтов. Изучение типологии конфликтов в бюрократической среде в свою очередь позволяет раскрыть инфраструктуру организации, отношения различных уровней бюрократии друг с другой (в рамках одного страта) и с вышестоящим начальством, а также подчиненными. Социальный контроль вводит эту борьбу в определенные рамки, сообщает ей так сказать определенные правила игры, но не может устранить ее полностью. При наличии различных (и меняющиеся с течением времени) условий игры (позиции сторон, их положение в иерархии, возможности, условия субординации и т. д.) суть конфликта на всем протяжении развития бюрократии одна – борьба за власть, перераспределение ее в соответствии с новой расстановкой сил.

Будучи строго формализованной и иерархической организацией, бюрократия (по крайней мере в идеале) стремится ликвидировать все неформальные контакты внутри себя самой и с обществом. Отсюда постоянное нарастание дифференциации различных уровней – принятия решений, информации, характера работы и т. д., отражающееся в распределении нагрузок, эффективности и производительности труда бюрократии. Усложнение инфраструктуры бюрократии идет не обособленно от остальной части общества, а в тесном взаимодействии с ним. Взаимодействие это может быть конфликтным или бесконфликтным в зависимости от того, совпадают или нет интересы управляющих или управляемых. В периоды крупных административных реформ бюрократия стремится активно воздействовать на общество в плане его модернизации и рационализации. Но в целом, в ходе административной эволюции, бюрократия развивается параллельно с обществом, испытывая воздействие основных социальных процессов, которое проявляется в критических ситуациях в соперничестве различных «групп давления» – правых, левых и умеренных, причем подразделение это является по-видимому общим свойством всякой бюрократической организации на стадии изменения. Будучи социально изолированным (закрытым) слоем, бюрократия представляет собой нечто единое, определенный социальный слой, постепенно осознающий с течением времени свою силу и реальные интересы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.